

Андрей Белый

СИМФОНИЯ №1
СЕВЕРНАЯ

ПСИХОДЕЛИЧЕСКАЯ СКАЗКА

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Симфония №1. Северная / А. Белый. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 100 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-77940-6

Андрей Белый (1880—1934) — поэт Серебряного века, писатель, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Симфония №1. Северная» — творческое открытие Белого, удивительный синтез слова и музыки, называемый ритмической прозой. Эта мистическая сказка со вселенской печалью, мрачными великанами и рыцарями из заоблачных грёз, слышащими вокруг себя шорохи Смерти, произведёт неизгладимое впечатление на каждого читателя.

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77940-6

© T8RUGRAM, 2018

СИМФОНИЯ №1 СЕВЕРНАЯ

Посвящаю Эдвардсу Григу

ВСТУПЛЕНИЕ

Большая луна плыла вдоль разорванных облаков.

То здесь, то там подымались возвышения, поросшие молодыми березками.

Виднелись лысые холмы, усеянные пнями.

Иногда попадались сосны, прижимавшиеся друг к другу в одинокой кучке.

Дул крепкий ветер, и деревья махали длинными ветками.

Я сидел у ручья и говорил дребезжащим голосом:

«Как?.. Еще живо?.. Еще не уснуло?»

«Усни, усни... О, разорванное сердце!»

И мне в ответ раздавался насмешливый хохот: «Усни... Ха, ха... Усни... Ха, ха, ха...»

Это был грохот великана. Над ручьем я увидел его огромную тень...

И когда я в испуге поднял глаза к шумящим, мятежным вершинам, из сосновых вершин глядел на меня глаз великана.

Я сидел у ручья и говорил дребезжащим голосом:

«Долго ли, долго ли колоть дрова?.. И косить траву?»

И мне в ответ раздался насмешливый хохот: «Ха, ха... Косить траву?.. Ха, ха, ха...»

Это был грохот великана. Над ручьем стояла его огромная тень...

И когда я в испуге поднял глаза к шумящим вершинам, меж сосновых вершин кривилось лицо великана...

Великан скалил белые зубы и хохотал, хохотал до упаду...

Тогда я весь согнулся и говорил дребезжащим голосом: «О я, молодой глупец, сын и разбитая шарманка... Разве сломленная трость может быть годна для чего иного, кроме растопки печей? О ты, туманное безвременье!»

...Но тут выпрыгнул из чащи мой сосновый знакомец, великан. Подбоченясь, он глумился надо мной...

Свистал в кулак и щелкал пальцами перед моим глупым носом.

И я наскоро собрал свою убогую собственность. Пошел отсюда прочь...

Большая луна плыла вдоль разорванных облаков...

Мне показалось, что эта ночь продолжается века и что впереди лежат тысячелетия...

Многое мне мерещилось. О многом я впервые узнал...

Впереди передо мной на туманном горизонте угрюмый гигант играл с синими тучами.

Он подымал синий комок тучи, мерцающий серебряными громами.

Он напрягал свои мускулы и рычал, точно зверь...

Его безумные очи слепила серебряная молния.

Бледнокаменное лицо полыхало и мерцало от внезапных вспышек и взрывов...

Так он подымал клочки синих туч, укрывшихся у его ног...

Так он рвал и разбрасывал вокруг себя тучи, и уста мои слагали грозные песни...

И видя усилие титана, я бессмысленно ревел.

Но вот он поднял на могучие плечи всю синюю тучу и пошел с синей тучей вдоль широкого горизонта...

Но вот надорвался и рухнул угрюмый титан, и бледнокаменное лицо его, полыхающее в молниях, в последний раз показалось в разрыве туч...

Больше я ничего не узнал о рухнувшем гиганте... Его раздавили синие тучи...

И когда я плакал и рыдал о раздавленном гиганте, утирая кулаками слезы, мне шептали ветреной ночью: «Это сны... Только сны...»

...«Только сны»...

Сокрушенный, я чувствовал, как дух безвременья собирался запеть свои гнусные песни, хороня непокорного гиганта.

Собирался, но не собрался, а застыл в старческом бессилии...

...И вот наконец я услышал словно лошадиный ход...

Кто-то мчался на меня с далекого холма, попирая копытами бедную землю.

С удивленьем я узнал, что летел на меня кентавр Буцентавр... держал над головой растопыренные руки... улыбался молниевой улыбкой... чуть-чуть страшной.

Его вороное тело попирало уставшую землю, обмахиваясь хвостом.

Глубоким лирным голосом кентавр кричал мне, что с холма увидел розовое небо...

...Что оттуда виден рассвет...

Так кричал мне кентавр Буцентавр лирным голосом, промчавшись, как вихрь, мимо меня.

...И понесся вдаль безумный кентавр, крича, что он с холма видел розовое небо...

...Что оттуда виден рассвет...

ЧАСТЬ I

Весеннею ночью умирал старый король. Молодой сын склонился над старым.

Нехорошим огнем блистала корона на старых кудрях.

Освещенный красным огнем очага, заговорил король беспросветною ночью: «Сын мой, отвори окно той, что стучится ко мне. Дай подышать мне весною!»

«Весною...»

Ветер ворвался в окно, и с ветром влетело что-то, крутя занавеской.

Одиноким прохожим слышал, как умирали в окне старого замка. И были такие слова из окна: «Еще порыв, и я улечу... Будешь ты славен и могуч, о сын мой! Ты выстрой башню и призови к вершинам народ мой... Веди их к вершинам, но не покинь их... Лучше пади вместе с ними, о, сын мой!»

Перестала колыхаться занавеска в готическом окне замка: вся поникла.

И не знал прохожий, что было, но понял, что — ночь.
Беспросветная ночь...

Стаи северных богатырей собирались к древнему трону, а у трона король молодой говорил новые речи, обнимая красавицу королеву, юную жену свою.

Зубцы его короны и красная мантия сверкали, когда он встряхивал вороными кудрями — весь исполненный песни.

Он говорил о вершинах, где вечное солнце, где орел отвечает громам.

Приглашал встать над пропастями.

Он говорил, что туманы должны скрыться, сожженные солнцем, и что ночь — заблуждение.

Огненным пятном горели одежды королевские пред троном, а кругом стояла гробовая тишина.

Хмурились воины, потому что он говорил о сумраке рыцарям сумрака, и только юная королева восторженно слушала эти песни.

Солнце село. В готические окна ворвался багрово-красный луч и пал на короля. И казался молодой король окровавленным.

В ужасе королева отшатнулась от супруга своего.

Усмехались седые фанатики, сверкающие латами по стенам, радуясь желанному наваждению.

Из открытых дверей потянулись вечерние тени, и стоя северных богатырей окунулась в тень.

И сквозь тень выступали лишь пасмурные лица закованных в сталь фанатиков, искаженные насмешливой улыбкой.

А кругом была тишина.

Поник головою король. Черные кудри пали на мраморный лоб. Слушал тишину. Испугался. Забыл слова покойника. Убежал с королевой из этих стран.

Они бежали в северных полях. Их окачивало лунным светом. Луна стояла над кучкой чахлах, северных берез. Они вздохнули в безысходных пустотах.

Королева плакала. Слезы ее, как жемчуг, катились по бледным щекам... Катились по бледным щекам.